

ЗОЛОТОЙ ВЕК РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Юрий А. Домбровский

«НЕИСТОВЫЙ ВИССАРИОН» *без ретуши*

Юрий Александрович Домбровский
«Неистовый
Виссарион» без ретуши
Серия «Золотой век
русской литературы»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25022735

Ю.А. Домбровский. «Неистовый Виссарион» без ретуши: ИТРК;

Москва; 2017

ISBN 978-5-88010-425-3

Аннотация

Вниманию читателей предлагается новая книга Юрия А. Домбровского «"Неистовый Виссарион" без ретуши», посвящённая жизни и творчеству выдающегося литературного критика и публициста В. Г. Белинского. Роман интересен не только малоосвещёнными фактами биографии литератора, но и необычным слогом повествования, как будто извлечённым из разговорной речи девятнадцатого столетия. Произведение написано на основе подборки документов из архивных данных В. Г. Белинского, а также его писем к родным, близким, друзьям и коллегам по литературному цеху. Роман рассчитан на самый

широкий круг читателей и будет полезен всем интересующимся литературой XIX века.

Содержание

Москва	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ю. А. Домбровский
«Неистовый
Виссарион» без ретуши

© Домбровский Ю. А., 2017

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2017

Москва

Часть первая

1

Не по покровительству и хлопотам кого-либо, а только собственными стараниями университет был взят. И радовалось даже не то, что Императорский Московский университет стал его обителью и пристанищем неокрепших мыслей, а то, что родители – папенька Григорий Никифорович и маменька Марья Ивановна – гордиться станут своим сыном. Сделал что мог и – перед ними оправдался...

Хотя друг отца Лажечников и молвил о нём словечко профессорам, но просьба его так и осталась недействительной, ибо держал он экзамен перед другими экзаменаторами. Генерал Дурасов тоже ничем особенным не помог, кроме того, что собственноручною распискою поручился в том, что ходить его попечитель будет строго в форменной одежде и своим поведением не нанесёт никакого беспокойства начальству. Ведь по уставу каждый будущий студент должен найти себе поручителя, будь то отец, родственник какой или всякий чиновный человек.

Как бы то ни было, табель юный Виссарион получил, а

вместе с ним символичную шпагу и треугольную шляпу. А через пару дней он уже подал просьбу, как то полагалось, в совет Императорского Университета и был принят на казённый кошт.

Теперь необходимо было сшить студенческий вицмундир с форменными панталонами, чёрным жилетом и приличным галстуком. Да ещё прикупить тулуп на зиму, картуз да одеяло с тюфяком. Казённый кошт ещё прожить надо было, а в партикулярной одежде на лекции ходить было совершенно невозможно.

Виссарион впервые за восемнадцать лет так основательно оторвался от родительского дома. И не то чтобы оробел как-то или сник перед обстоятельствами, но сильно призадумался. Тут на один только вицмундир пойдёт одного сукна по пять рублей за аршин, хотя на шинель можно и серого сукна, а то на рубль дешевле. Сверх того надобно прикупить не менее полуаршина малинового сукна на воротник и отвороты да ещё на околыш картуза и выпушку панталонов. Самому здесь никак не управиться да и родителям как-то в тягость быть не хотелось.

Почесав затылок, Виссарион достал перо и чернильницу, разложил на столе лист почтовой бумаги и вывел каллиграфическим почерком: «Дорогие папенька Григорий Никифорович и маменька Марья Ивановна! С живейшей радостью и нетерпением спешу уведомить вас, что я принят в число студентов...» – далее он обсказал в общих чертах о своём

казённом коште и о предстоящих денежных затратах, обещав в заключение письма, что не токмо больше от родителей своих требовать ничего не станет, но и помогать будет братьям своим меньшим.

Не решился быть обузой он также родственнице по матушкиной линии – Ольге Матвеевне, а снял комнату в доме Колесникова, у портного Козакова, что в двух шагах от университета. С новыми товарищами по университету Максимовым и Слепцовым – братом того самого Слепцова, который был у его родителей на хлебах, они и зажили вместе. Двадцать ассигнаций за комнату – совсем и недорого, если в день выходит на троих не более рубля.

... Вспомнилось, как расставался с родными. С какой-то отречённостью – в совершенной холодности и спокойствии. Казалось, что едет он не далее соседнего имения Владыкина. Всю дорогу разговаривал и шутил с кучером и сопровождавшим его Иваном Николаевичем, служившим у родителей верой и правдой. Во Владыкине их встретил Николай Михайлович – отец Ивана Николаевича. Уже изрядно нагружённый дарами щедрого Бахуса, узнавши, что юный отпрыск Белинских едет в Москву с его сыном, ужасно рассвирепел. Он то кричал и говорил в глаза непристойные речи, кои не выдерживало никакое печатное перо, то вдруг слезился глазами и срывался на красноречие. Скоро пыл его утих, и, махнув рукой на вся и всех, он удалился в покои.

Утром другого дня они выехали с Иваном Николаевичем

из Владыкина, а к вечеру уже были в Ломове. Далее был Спасск. Сеи городишки не произвели на юного Виссариона никакого впечатления. Более того, они представились ему довольно серыми и убогими. От Спасска дорога шла сплошь песчаная, отчего земля вплоть до горизонта представлялась серой безликой степью, со всё более умножающимся песчанником. В оных местах колёса увязали по самые ступицы. Хотя чем земля была песчанее, тем лесистее – всё более сосны да ели. По дороге от Спасска до Старой Рязани была река Цна, через которую переправились на пароме, – довольно быстрая и широкая. А уж как добрались до Оки, так восхищению юного путешественника уж не было предела.

От Старой Рязани до губернского города Рязани Виссарион ничего особенного не приметил, кроме того, что постоянные дома пошли сплошь двухэтажные, ворота и крыши которых были изукрашены ажурной резьбой, да дорога стала покаменистее.

Перед Рязанью с юным Виссарионом случилось небольшое приключение. Повстречался на их пути цыганский табор. Молодая цыганка по своему цыганскому обыкновению предложила поворожить молодому барину. То ли от скуки, то ли смеха ради тот согласился и подал ей руку. Цыганка, одарив его бархатным взглядом, между прочими глупостями сказала ему:

– Люди почитают тебя, барин, уважают тебя за разум, ты только языком не сшибайся. Едешь ты получать, да и полу-

чишь немалые знания и почёт, хотя и сверх чаяния.

Виссарион тогда отчего-то сильно смутился. Но слова те запали в душу. Потом он не раз вспоминал ту молодую гадалку.

Рязань стала первым на пути в Москву истинно привлекательным городом. Правильное расположение улиц, гостиные ряды и лавки, добротные каменные дома привели Виссариона в крайнюю степень восторга и удивления. Впервые он осознал, что в России есть и нечто большее его родного Чембара. Хотя Чембар хуже Пензы. А уж Пенза того хуже Рязани. Здесь улицы пересекались с оврагами, но во всю их ширину проведены были каменные мосты, столь длинные, что улицы чрез них делались совершенно ровными.

Едва разместившись в постоялом дворе, первым долгом Виссарион решил ознакомиться с местными достопримечательностями. Первым на его пути оказался поп в длинной помятой рясе. Окинув взглядом молодого барина, служитель алтарей снял шляпу, раскланялся и, сотворив доброе лицо, проблеял козлиным голосом:

– Доброго здоровьица, мил человек!

Виссарион деликатно козырнул.

– Милостивый государь, – молвила духовная особа, – не соизволите ли на бедность отцу Ивану пожаловать копеечку?

Осмотревшись по сторонам, Виссарион пошарил в кармане сюртука и извлёк два гроша.

– Этого хватит? – спросил великодушно.

– Премного благодарен, мил человек. Тронут, весьма тронут, – осыпая благодарениями за необычайную щедрость, поп подтянул рясу и с необыкновенной прытью для своих лет пустился в сторону ближайшего кабака.

Мысленно пожелав святому отцу хорошо провести время в храме Бахуса, Виссарион пошёл дальше. То ли от перенесённого впечатления от неожиданной встречи, то ли от прелестного царства очарований красот улиц и домов большого города Виссарион заблудился. Долго он ходил вдоль фасадов так похожих друг на друга домов, разглядывая вывески, и уже почти полностью отчаялся, когда услышал окрик Ивана Николаевича с противоположенного окна дома на противоположенной стороне улицы. Измученный усталостью и голодом, он наконец оказался среди своих спутников, сбивчиво рассказывая, как он чуть было совсем не потерялся в большом городе.

– Эх, Виссарион Григорьевич, что же с вами случится, когда вы в стольном городе окажетесь? Там вам не Рязань, – многозначительно покрутив рукою над головой, заметил Иван Николаевич.

2

В Москву въехали под утро. Ещё за несколько вёрст до заставы, как в тумане, возникла колокольня Ивана Великого. Сердце Виссариона ретиво заколотилось, едва колёса экипа-

жа коснулись булыжной мостовой. Смешение чувств разволновало душу Протирая глаза ото сна, он старался изо всех сил разглядеть Москву, чтобы как можно чётче сохранить о ней впечатление.

Утро выдалось ясным. Проехав булыжную мостовую сквозь ряды двухэтажных каменных строений, их запылённый экипаж неожиданно оказался у Москвы-реки, запруженной барками и торговыми лодками. Несчётное число людей толпились по обеим сторонам набережной и на Москворецком мосту. По другую сторону реки проглядывали стены Кремля. Шумный говор, скрежет колёс телег и экипажей, ржанье лошадей в упряжках – всё смешалось в едином монотонном протяжном гуле. Высокий, частый лес мачт с развевающимися разноцветными флагами, белокаменные стены Кремля, его устремлённые вверх башни – всё поражало воображение, возбуждало в душе удивление и смешанные чувства удовольствия. Это был первопрестольный град – сердце русского государства.

Долго ещё потом стоял Виссарион на набережной, пока Иван Николаевич ходил в дом дальних родственников Белинских – Матвеевых для испрошения у них позволения остановиться на время в их доме. Он стоял на набережной и думал о просторах земли русской, о народах, её населяющих. И сердце его наполнялось духом неизведанной гордости за царство русское.

Один Кремль чего стоил!

Над его белокаменными стенами, над его высокими башнями пролетело несколько веков. Вид этих стен погружал в сладкую задумчивость, возбуждал чувство благоговения, переносил в священную древность, в милую сердцу русскую старину.

В Зарядье, вдоль каменной стены, окружавшей Китай-город, в конце оной оказался дом Матвеевых, где улицы столь узки, что и двум каретам не разъехаться, восторг Виссариона несколько поугас. Казалось, что даже в Пензе улицы были пошире. Да ещё этот гнусный запах тухлой рыбы и помоев, сброшенных прямо в сточную канаву у каменных домов. Наконец, добравшись до цели, их экипаж въехал во двор.

Надежда Матвеевна встретила их с видимым радушием. Иван Николаевич отрекомендовался, представив Виссариона троюродным племянником, сыном Марьи Ивановны и Григория Никифоровича из Чембара, приехавшим поступать в университет. Хозяйка дома, осмотрев угловатого юношу с неприкрытым интересом, велела слугам подать самовар. Вскоре пришёл и хозяин – Владимир Фёдорович.

Напившись чаю и перекинувшись взаимными любезностями и поручительствами, мужской компанией отправились в книжные лавки для приобретения учебников, на кои родителями Виссариона было выделено шестьдесят рублей.

Прожив таким образом несколько дней в доме Матвеевых, Виссарион стал понемногу привыкать к московской жизни. Он много гулял по улицам столицы. Изо всех россий-

ских городов Москва казалась ему самым истинно русским, сохранившим свой национальный колорит, богатым своими историческими воспоминаниями, озаменованным печатью священной древности городом. Он вглядывался в древний дворец русских царей, в кремлёвские здания, Грановитую палату, арсенал, монумент Минину и Пожарскому – и волосы на его голове шевелились от избытка чувств, кровь его ещё более сгущалась, трепет пробежал по всему его существу, по всему его телу.

Он впитывал в себя Москву, а Москва впитывала его в себя...

3

«Любезные родители, папенька Григорий Никифорович и маменька Марья Ивановна!

Весьма удивило меня то, что вы не получили моего письма. Я в нём, движимый чувством благодарности за присылку мне 100 руб. денег, со всем жаром сердца, тронутого вашим благодеянием, со всею сыновнею почтительностью, благодарил вас за ваше одолжение»¹. Виссарион обмакнул перо в чернильницу и тяжело вздохнул. «Потом извещал вас, что я принят на казённый кошт и что уже живу в самом универси-

¹ *Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти т. Т. 9. Письма 1829–1848 годов. – М: Худож. лит., 1982. – С. 14.*

тете»², — продолжил он и снова сильно задумался.

Из присланных родителями денег почти ничего не осталось. Он так и не сшил себе форменной одежды. Часть денег ушла на покрытие долгов, которые к тому времени он уже успел сделать, приобрёл чёрную жилетку под сюртук и две чёрные косынки вместо галстука. Часть ушла на книги, касающиеся до учёбы. Потом, по прошествии недели, хотел было купить сукно на шинель, но оставшихся денег уже не хватало.

Он понимал, что родители сами отрывают от себя последнее, терпят недостатки. Вспоминал, как в бытность свою ещё в Пензе папенька сердился и бранил его за непредвиденные расходы. Это приводило его в отчаяние, раздирало душу.

Комната, в которой жил Виссарион вместе с другими студентами, представляла собой довольно тесное помещение, в котором кроме него проживали ещё семеро студентов. У каждого из них были свои стол, кровать и своя табуретка. Кровати все железные, аккуратно сделанные. Мягкие, довольно высокие тюфяки, подушки, простыни и байковое одеяло составляли постель. Стол состоял из довольно большого выдвижного ящика и шкафчика с двумя полками. Таких комнат, которые называли номерами, в казённом общежитии было шестнадцать. Чистота и порядок в них были, по сути, военными, и для каждого номера был прикреплён солдат, который подметал пол, прибирал постель и прислу-

² Там же.

живал студентам. В семь часов подавали завтрак, состоящий из булки и стакана молока. Кормили в обед и на ужин весьма неплохо. Хлеб обычно подавали ситный – свежий и вкусный. Из горячего – щи капустные, суп картофельный, лапша или борщ. На второе – говядинка отварная, как холодная, так и жаркое. Кроме всего прочего бывали каши, пироги и по праздникам пирожные. Так что студенты на казённом коште не бедствовали. Порядок в столовой был чрезвычайно хорош.

Главным лицом университета считался попечитель. Потом уже был ректор и два инспектора – один из казённых, второй из студентов. Инспектора смотрели за порядком, после десяти вечера обходили номера, чтобы проследить, все ли студенты погасили свечи и легли спать, а поутру донести на тех, кто самовольно отлучался на ночь. Впрочем, если студент желал переночевать не в стенах одного заведения, ему достаточно было отпроситься у дежурного субинспектора. А перед праздниками по номерам носили лист бумаги, в который записывались желающие отлучиться на ночь.

Виссарион отложил перо и потянулся. Вспомнилась маменька. Она всё больше увещевала его ходить по церквям. Подобные увещевания не всегда были ему приятны и навевали скуку. Он с благодарностью воспринимал бы советы маменьки, если бы она призывала быть его просто добрым человеком. Но он и так старался не изменять правилам доброго поведения. Пути порока с пылкостью характера и огнём

страстей могли причинить маменьке много горестей и заставить стыдиться за него – ему не хотелось её огорчать. Но вместе с тем стать благочестивым странствующим по московским церквам пилигримом он также не собирался. Шататься по ним некогда, когда в Москве много других гораздо более важных дел, которыми должно заниматься студенту университета. Тот же театр, за который его упрекала маменька, ему просто необходимо было посещать как для образования собственного вкуса, так и для того, чтобы, видя игру великих артистов, иметь толк в их божественном искусстве. Ибо он уже предопределил себе свой путь – иметь познание и толк во всех изящных искусствах.

Лицо Виссариона внезапно переменилось. Он встряхнул длинными волосами, обмакнул перо и твёрдой рукой продолжил: «...а более через Лукерью Савельевну я узнал, что вы сильно на меня негодуете; эти неприятные известия сколько опечалили меня, столько и привели в большое недоумение, тем более, что я их от вас совсем не ожидал... Уверять вас в своей почтительности, любви, преданности, осыпать вас нежными названиями я не могу, ибо почитаю это ничем иным, как подлым ласкательством, как низким средством выманивать у вас деньги. Я не умею нежничать, но умею чувствовать и думаю, что священное чувство любви и уважения к родителям состоит не в словах, а в поступках...»³

³ *Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти т. Т. 9. Письма 1829–1848 годов. – М: Худож. лит., 1982. – С. 20.*

Виссарион начинал заводиться. Не хватало ещё опуститься до лицемерия, чтобы вымолить родительское прощение, подсластиться и заставить тем самым прислать ему денег. Нет, он слишком горд, слишком благороден, чтобы извиваться перед ними ужом или жабою, лишь из такого низкого и подлого намерения. Он не мальчишка, который только что вышел из училища и, встретившись на улице с прежним своим учителем, станет дразнить его языком, зная, что теперь он уже не сможет высечь его розгами. И не мальчишка, которого должно сечь, чтобы заставить хорошо вести себя, не грубый мужик, которого должно бить дубиной, чтобы заставить что-нибудь прочувствовать.

Злость – не лучший советчик в нахождении истины. Всякое там философствование о том, есть ли любовь и уважение к родителям чувство, внушённое природой, или оно есть следствие внушённых с младенчества правил, – спорное занятие. Священная обязанность быть добрым сыном, любить и уважать своих родителей, признавать их власть над собой – законнее и священнее всех властей в мире.

Виссарион снова отложил перо и откинулся на спинку стула. Ему вдруг стало чрезвычайно жалко себя. В груди его вспыхнуло пламя тех чувств, высоких и благородных, которые бывают уделом не многих избранных... А избран ли он – кем и когда? Все его желания, намерения и предприятия, самые благородные, как в рассуждениях самого себя, так и в других, оканчивались или неудачами, или, к его собственно-

му вреду, навлекали на него нарекания и подозрения в дурных помыслах.

Учась в гимназии, он жил в бедности, скитался не по своей воле по скверным квартиришкам, находился в кругу презренных, имел право лениться. Вот теперь он в Москве. И что? Поехал с пламенным желанием поступить в университет – и поступил. По ветрености, а может, по неопытности истратил деньги, что у него были, казавшиеся суммой немалой и неистощимой. Потом поступил на этот казённый кошт. Да будь он проклят, этот несчастный день! Ведь этот кошт не что иное, как жалкое состояние неимущих, бедных студентов. Это ведь муштра, это обуза.

Осуждённый страдать на казённом коште, он вознамерился написать книгу, которая могла бы разойтись и доставить ему немалые выгоды. В своём сочинении он со всем жаром сердца, пламенеющего любовью к истине, со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость, в картине живой и верной представлял тиранства людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных. Герой его драмы «Дмитрий Калинин» – человек пылкий, с дикими и необузданными страстями, мысли которого вольны, поступки бешены – и следствием всего стала его гибель. Юношеская пьеса – своеобразный пролог к литературной стезе. Сочинение, не могущее оскорбить чувства честнейшей нравственности. И что? Он подал своё сочинение в цензуру. Пришёл через неделю к цензору – сочинение при-

знали безнравственным, бесчестящим университет, а автору указали, что о нём отныне будут ежемесячно подаваться особые донесения... Отголосок потрясений, вызванных всё ещё памятной отправкой в солдаты студента Полежаева за вполне безобидную поэму «Сашка». Или совсем недавней расправой со студентом Сунгуровым, организовавшим в университете революционный кружок и обвинённым в расположении ума, готового прилепиться к мнениям, противным государственному порядку.

Каково это?

Он так надеялся на вырученный гонорар – откупиться от казны, жить на квартире, прилично одеться, но все его блестящие мечты обратились в противную действительность, горькую и бедственную. Конечно, он мог бы при деньгах завести хорошие знакомства, но в форменной одежде, кроме как в аудитории, нигде появиться нельзя – в Москве форма казённого кошта в крайнем пренебрежении. Для молодого человека хороший фрачный или сюртучный костюм – визитная карточка в высший свет. Лестная, сладостная мечта о приобретении известности, об освобождении от казённого кошта лишь усугубили его горести.

4

С лета 1830 года в университете воцарился новый инспектор. До окончания вакации и начала открытия лекций ин-

спектор не делал никаких распоряжений. Распоряжения последовали с началом открытия нового учебного года. К тому времени Виссарион, отдохнув в имении родителей в Чембаре, вернулся в Москву, полный новых устремлений и готовый к переменам.

В номерах столы и кровати прежде были вместе, что давало возможность заниматься и спать в одном и том же месте. Это имело определённую выгоду – можно было иногда и полежать, коль надоедало сидеть, и каждый из студенческой братии имел свой особенный уголок.

Щепкин – так звали нового инспектора – первым своим нововведением перенёс кровати в другую половину этажа. Если раньше в номере жили не больше десятка человек, то теперь – по пятнадцать, семнадцать, а то и девятнадцать. Ну как при таком столпотворении заниматься делом? Теснота, толкотня, крик, шум, споры – один играет на гитаре, второй на скрипке, третий вслух декламирует.

До сих пор Виссарион о боли в спине и пояснице понятия не имел. Теперь, отсидев шесть часов кряду на лекциях, должно и всё остальное время вертеться на стуле. А как ударят часы десять – только тогда и должно идти через четыре длинных коридора в общую спальню на те же пятнадцать-девятнадцать человек. А поутру, коль позабудешь взять с собою полотенце, мыло или ещё что подобное – опять два раза шагать по бесконечной цепи коридоров. Да и кормить стали хуже некуда. При повальной холере в Москве выжить при та-

ком питании становилось мало реальным. Невозможно стало уже исчислять все «прелести» казённого кошта.

Среди приятелей Виссариона были и свободные, и коштные студенты. Свободный жил себе один на квартире или с товарищем, ему никто не мешал в занятиях – хоть сиди всю ночь, а потом спи целый день. Никто не требовал с него отчёта. А коштный всегда на глазах начальства, самые ничтожные его проступки сразу брались на замечания. Да сердце просто кровью обливалось, глядя, как живут эти коштные.

А как-то Виссарион столкнулся лоб в лоб со Щепкиным в коридоре. Тот, оглядев студента сверху вниз, брезгливо бросил:

– А ты, шельмец, почему не на лекциях?

– Я не шельмец, – передёрнулся Виссарион. – Я студент Белинский.

– Пройдите со мной в кабинет ректора, студент Белинский, – резко изменился в лице инспектор. – Я уже слышал о вас от своего предшественника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.